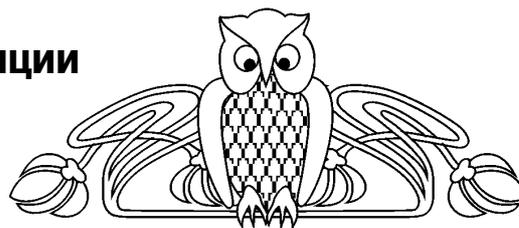

УДК 821.161.1.09-31+929[Алданов+Пастернак]

Домашний очаг русской интеллигенции и революция в творчестве М. А. Алданова, Б. Л. Пастернака

Е. В. Макарова

Макарова Елена Витальевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный», Пензенский государственный университет, makelvita@yandex.ru

В статье раскрывается социокультурное содержание понятия «домашний очаг» накануне революционных событий 1917 г. В романах М. А. Алданова «Самоубийство», Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» образ домашнего очага изображен как комплекс мотивов, связанных с предчувствием утраты семейного благополучия.

Ключевые слова: домашний очаг, мотив, символика.

Поступила в редакцию: 24.04.2020 / Принята: 29.04.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Home and Hearth of the Russian Intellectuals and the Revolution in the Novels by M. Aldanov and B. Pasternak

E. V. Makarova

Yelena V. Makarova, <https://orcid.org/0000-0002-5787-5209>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, makelvita@yandex.ru

The article shows the social and cultural content of the concept of the hearth on the eve of the Russian Revolution of the 1917. In the novels *Suicide* by M. Aldanov, *Doctor Zhivago* by B. Pasternak the hearth entails a complex of motives related to the premonition of the loss of the family well-being.

Keywords: hearth, motive, symbols.

Received: 24.04.2020 / Accepted: 29.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-313-316>

Домашний очаг – значимый образ романов М. А. Алданова «Самоубийство», Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» – играет важную роль в системе авторских символов и сопряжен с отношениями между персонажами, политическими событиями в стране, ходом самой истории.

Домашний очаг в образной картине М. А. Алданова, Б. Л. Пастернака неразрывно связан с благополучием, защищенностью, светом, радостью от общения с родными и близкими. Образ домашнего очага дореволюционной России несет в себе исключительно положительную семантику изобилия, роскоши, веселья. «Это не только совокупность суждений, относя-

щихся к эстетическим оценкам устройств быта или составляющих этот быт предметов. Это и переживание таких социально-детерминированных чувств, как свежесть и чистота, совершенство и завершенность, уют и защищенность. Это и “маленькие домашние удовольствия”, вызванные игрой памяти, воображения, идеалов с обонятельными, слуховыми, тактильными ощущениями»¹. В описании домашнего очага дореволюционной России очевидна тенденция к ностальгическому репродуктивному реалити прежней эпохи, отчетливо звучат следующие мотивы.

Мотив благополучия, дарующее чувство уверенности в себе, в завтрашнем дне. Домашний очаг изображен в первых главах романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» как эстетический объект, как воплощение и реальное отражение незыблемости семейного уклада в царской России. «Дом братьев Громеко ... был двухэтажный. Верх со спальнями, классной, кабинетом Александра Александровича и библиотекой, будуаром Анны Ивановны и комнатами Тони и Юры был для жилья, а низ для приемов. Благодаря фиштакковым гардинам, зеркальным бликам на крышке рояля, аквариуму, оливковой мебели и комнатным растениям, похожим на водоросли, этот низ производил впечатление зеленого, сонно колышущегося морского дна»². Метафора «домашний очаг – морское дно» создает ощущение стабильности, защищенности, но вместе с тем привносит ощущение невозможности перемен, нежелания, неготовности принимать внешние изменения со всей их неизбежностью.

Ключевым в репрезентации домашнего очага в романе М. А. Алданова «Самоубийство» является сочетание старого и нового, традиций и инноваций: «В этот июньский солнечный день, ровно в восемь часов утра в прекрасном, тщательно выглаженном сером костюме, ... вышел в столовую и с удовлетворением окинул взглядом накрытый белоснежной скатертью стол. <...> Уже был соединен со штепселем небольшой серебристый электрический самовар, – непринятая в Москве новинка. ... лет пять тому назад, когда стал много зарабатывать, снял в старом доме помещительную квартиру с большими высокими комнатами, с толстыми стенами, с голландскими печами; произвел в ней капитальный ремонт»³.

Сдержанность, прочность, стабильность в сочетании с разумными инновациями – вот ключевые характеристики дореволюционного

домашнего очага Ласточкиных. Благополучие и уют не были для хозяина и хозяйки дома подарком небес, а активно создавались и трепетно поддерживались и развивались ими благодаря усердному ежедневному труду, что позволяло домочадцам чувствовать себя творцами собственной судьбы, надежно защищенными нерушимыми стенами родного дома: «Всё в доме сверкало чистотой и, несмотря на размеры комнат, вся квартира была уютной. Она была создана на заработки Ласточкина, это особенно умиляло его жену. Говорила, что чувствует себя дома “как за каменной стеной”». <...> На электрическом приборе поджаривались тосты. В герметически закрывавшейся коробке был чай. Приказчик сообщил Ласточкину, что той же самой смесью чаев всегда пользовались китайские богдыханы, – Татьяна Михайловна дразнила мужа этим чаем, и его самого называла богдыханом»⁴.

Мотив изобилия, жизни как праздника, праздника как традиции. Образ семейного праздника является ключевым в описании домашнего очага царской эпохи. В романе «Доктор Живаго» с особым наслаждением автор в мельчайших деталях описывает изобильные дружеские застоля: «Из зала через растворенные в двух концах боковые двери виднелся длинный, как зимняя дорога, накрытый стол в столовой. В глаза бросалась яркая игра рябиновки в бутылках с зернистой гранью. Воображение пленяли судки с маслом и уксусом в маленьких графинчиках на серебряных подставках, и живописность дичи и закусок, и даже сложенные пирамидками салфетки, стойком увенчивавшие каждый прибор, и пахнувшие миндалем сине-лиловые цинерарии в корзинах, казалось, дразнили аппетит»⁵. Подобные дореволюционные застоля были изобильны не только в гастрономическом, но и в культурном плане: наряду с разнообразными угощениями, гости вкушали и пищу духовную: «В Москве литературные салоны были в большей моде, чем музыкальные. Ласточкин у себя устроил музыкальный, понимая, что такой у него выйдет лучше. <...> Татьяна Михайловна ... подчинилась желанью мужа и старалась, чтобы приглашенные скучали возможно меньше, хорошо ели, хорошо, но в меру пили»⁶. В романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» семейные праздники с щедрыми и наполненными радостью дружескими трапезами наиболее ярко отражают традиционность домашнего уклада: «И все аплодировали, и эту движущуюся, шаркающую и галдящую толпу обносили мороженым и прохладительными. Разгоряченные юноши и девушки на минуту переставали кричать и смеяться, торопливо и жадно глотали холодный морс и лимонад и, едва поставив бокал на поднос, возобновляли крик и смех в удесyтеренной степени, словно хватив какого-то веселящего состава»⁷.

Мотив связи и преемственности поколений в романе М. А. Алданова «Самоубийство»

олицетворяется именно дружеским застольем: «Особенно охотно собирались у Ласточкиных: у Нины большая комната с мягкой удобной мебелью. Хозяин и хозяйка иногда заходили на минуточку – “пожать руку” – и тотчас исчезали. Зато присылали превосходное угощение. Ужинов Нина у себя почти никогда не устраивала, так как далеко не все другие могли бы это себе позволить, а надо было по возможности соблюдать бытовое равенство. Но к чаю Федор ... приносил в изобилии бутерброды, торты, печенье, даже ром и коньяк, имевшие особенный успех. Из комнаты до поздней ночи доносились веселые голоса, хохот, иногда музыка»⁸. В описании дружеских застолий молодого поколения русской интеллигенции на передний план выходят даже не герои романа, а сама дружеская беседа, которая олицетворяет богатство духовной культуры действующих лиц.

Мотив предчувствия утраты привычного и дорогого сердцу. Основательностью и неизменностью дышит каждый предмет в благополучном, на века обустроенном доме семьи Громеко – героев романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Вместе с тем создается образ чего-то громоздкого, изжившего себя, доставляющего неудобства, и в то же время судьбоносного, предвещающего смерть и несчастье: «Как-то зимой Александр Александрович подарил Анне Ивановне старинный гардероб. Он купил его по случаю. Гардероб черного дерева был огромных размеров ... Анна Ивановна не любила гардероба. Видом и размерами он походил на катафалк или царскую усыпальницу. Он внушал ей суеверный ужас. Она дала гардеробу прозвище «Аскольдовой могилы». Под этим названием Анна Ивановна разумела Олега коня, вещь, приносящую смерть своему хозяину»⁹. В изображении уюта дореволюционного домашнего очага явно прослеживается мотив предчувствия утраты привычного и дорогого сердцу, мотив смертельной опасности.

Обобщив предшествующие революции эпизоды из жизни главных героев – представителей русской интеллигенции – в романах М. А. Алданова «Самоубийство» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», можно выделить ключевые точки в анализе образа домашнего очага этой эпохи: эстетизация еды и процесса приема пищи, благополучие, восприятие жизни как праздника, традиционность. Вместе с тем все отчетливее звучит мотив предчувствия скорой утраты былого благополучия и неизбежности фатальных перемен.

Революция, так неожиданно обрушившаяся на главных героев произведений М. А. Алданова «Самоубийство» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», драматически меняет судьбы, разоряет родовое гнездо. В эпизодах, описывающих домашний очаг представителей русской интеллигенции в революционное время, на передний план выходят следующие мотивы.

1. *Мотив фантасмагоричности, иллюзорности, призрачности бытия.* Пролонгированная метафора, основанная на противопоставлении эвклидового мира миру геометрии Лобачевского, олицетворяет этот мотив: «Ласточкины после октябрьского переворота чувствовали себя почти так, как мог бы себя чувствовать человек, проживший жизнь в эвклидовом мире и внезапно попавший в мир геометрии Лобачевского»¹⁰. Внешний мир представляется отныне настолько враждебным, что в его реальность не хочется верить.

Чем уютнее, благополучнее и щедрее домашний очаг дореволюционной России, тем страшнее и драматичнее кажется его утрата на фоне революции, тем хаотичнее, безнадежнее и нелепее попытки обрести новый очаг, вернуть ему былую защищенность. «Она усаживалась поудобнее на середину ковра, и под её руками игрушки всех видов сплошь превращались в строительный материал, из которого Катенька воздвигала привезенной из города кукле Нинке жилище куда с большим смыслом и более постоянное, чем те чужие меняющиеся пристанища, по которым её таскали»¹¹. Иллюзорной оказывается нерушимость крепких стен домашнего очага, они не выдерживают натиска беспощадной, безудержной революционной стихии. «Исчезновение или потеря дома, это – архетипический сюжет, это катастрофа; это противоречит нашему представлению о доме как о долговечном, прочном и упорядоченном мире и обозначает разрыв с прошлым»¹².

2. *Мотив утраченного и невозвратного.* Вековые традиции нарушены, утрачены привычный уют и тепло домашнего очага, веселье и сытость дружеских застолий, а попытки вернуть былое оказываются тщетны, неуместны: «Вечер с уткой и со спиртом в свое время состоялся... Жирная утка была невиданной роскошью в те, уже голодные, времена, но к ней недоставало хлеба, и это обесмысливало великолепие закуски, так что даже раздражало <...> Всего же грустнее было, что вечеринка их представляла отступление от условий времени. Нельзя было предположить, чтобы в домах напротив по переулку так же пили и закусывали в те же часы. За окном лежала немая, темная и голодная Москва»¹³. Привычное веселье и сытость дружеских застолий сменяет гораздо более скромная трапеза по особому случаю, попытки воссоздать былое изобилие становятся неуместны: «Медали за храбрость и боевые заслуги вы не получите, зато я вас награжу: к обеду достали шпроты, картошку и два фунта колбасы. Будете есть их с альбертиками. Шампанского вы, Алексей Алексеевич, не любите, да и неприлично было бы теперь пить шампанское»¹⁴.

3. *Мотив коренных изменений в быту и сознании.* В революционное время меняется целевое назначение комнат и их убранство; образ

жизни главных героев становится другим, с уменьшением жилплощади сужается их личное пространство: «Спальная – прежняя столовая – была почти пуста: оставались только кровать и диван, ночной столик между ними и одно кресло; да ещё на стене висели на гвоздях немногочисленные платья и два мужских костюма. Всё остальное было продано <...> Скоро у Ласточкиных человек в кожаной куртке отобрал рояль. Теперь они и не спорили. Играть всё равно было трудно, а продать рояль невозможно»¹⁵. Будучи не в силах противостоять варварскому разорению домашнего очага, потеряв материальное благополучие, Ласточкины всё же пытаются сохранить духовное богатство. В эпизодах романа, связанных с революционными событиями, явственно прослеживается дуализм в репрезентации образа домашнего очага, разделение его на внешний – материальный, и внутренний – духовный. Если в царскую эпоху главными героями весь мир воспринимался как уютный, благополучный домашний очаг, то в результате революционных преобразований материальный мир сузился до размеров небольшой спальни, служившей когда-то столовой. От бывшего изобилия и достатка не осталось и следа, в то время как каменные стены внутреннего очага, ассоциируемого отныне с душевным миром крепкого, основанного на духовности семейного союза, продолжают держать оборону: «Ложились они теперь рано и до полуночи читали в спальне при свете керосиновой лампы, как в пору детства Дмитрия Анатольевича <...> По вечерам Ласточкины читали классиков: всех потянуло к тому, что было *бесспорно* в русской культуре»¹⁶. Богатому и изысканному быту главных героев в дореволюционное время противопоставляется необустроенность, аскетичность домашнего очага революционных лет. Обильные застолья сменяет простая скромная трапеза, на смену роскоши просторных светлых комнат родового гнезда приходят теснота и бытовая малообустроенность изменивших свое назначение тускло освещенных комнат, которым главные герои более не хозяева: «Лариса Федоровна нарезала черного пайкового хлеба и поставила на стол тарелку с несколькими вареными картофелинами. Гости собирались принять в бывшей столовой старых хозяев, оставшейся в прежнем назначении. В ней стояли больших размеров дубовый обеденный стол и большой тяжелый буфет того же темного дуба. На столе горела касторка в пузырьке с опущенным в нее фитилем, – переносная докторская свечильня»¹⁷.

4. *Мотив нарушения преемственности поколений* является одним из наиболее красноречивых в описании домашнего очага эпохи революции в противовес царскому времени, поругание прежних эстетических и духовно-нравственных ценностей представляется как наиболее тяжкая утрата: «Отравляли жизнь только подростки, на

редкость буйные, дерзкие, вечно скандалившие и грубившие родителям. Они выбрали себе гостиную, которую когда-то обставила Нина. Повидимому, их прельстила круглая форма этой комнаты. Расставили в ней кровати и покрыли содранным со стен шелком»¹⁸. Подобная репрезентация изменений, которым подвергся домашний очаг в ходе революционных событий, не оставляет надежд на светлое завтра.

5. *Мотив обреченности.* Попытки сохранить неизменным если не быт как внешний аспект домашнего очага, то самосознание его обитателей как внутреннее его проявление обречены на провал. Постепенно иссякают и душевные силы: «Мебель из реквизированных комнат переносить запрещалось, но бумаги из письменного стола Ласточкин перенес в гостиную и, как мог, всунул их в единственный ящик небольшого стола, который теперь становился письменным. Попробовал вытащить этот ящик, и бумаги посыпались на пол, поверх задней стенки ящика. Это было, конечно, мелочью, но нервы Дмитрия Анатольевича не выдержали. Он сел, тяжело дыша, и долго сидел в полном отчаянии»¹⁹. С каждым днем внешний мир становится все более враждебен, мотив обреченности превалирует в описании душевного состояния главных героев как ведущего аспекта репрезентации домашнего очага революционного времени в его оппозиции внешнего – внутреннего: «Зимой топить будет нечем. На жалованье Мити и впроголодь жить будет нельзя. *Они* кончатся? Только на это и надежда, но до того, как кончатся *они*, кончимся мы, если не физически, то морально»²⁰.

В эпизодах романов М. А. Алданова «Самоубийство» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», описывающих быт русской интеллигенции на стыке двух эпох – дореволюционной и революционной, – радикальным образом меняется вербальная репрезентация домашнего очага: из оплота благополучия, изобилия и преемственности он превращается в иллюзорное, поруганное

и разоренное временное пристанище. Домашний очаг не выдерживает испытания революцией. Нестабильность политической обстановки, фантазмагоричность и непредсказуемость новой действительности, разорение и неустроенность быта в ежеминутно меняющемся окружающем мире, разрушение всего привычного, упорядоченного приводят к нестабильности в душе, в умонастроениях, обуславливают «сдвиг сознания» индивидуального и общественного.

Примечания

- ¹ Корнейчук С., Скнар Г. Концептуализация «Эстетики быта» в произведениях И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). СПб. : РОПРЯЛ, 2018. С. 325.
- ² Пастернак Б. Доктор Живаго. М. : Время, 2017. С. 71.
- ³ Алданов М. Самоубийство. М. : Эксмо, 2011. С. 157.
- ⁴ Там же. С. 159.
- ⁵ Пастернак Б. Указ. соч. С. 73.
- ⁶ Алданов М. Указ. соч. С. 206–207.
- ⁷ Пастернак Б. Указ. соч. С. 112.
- ⁸ Алданов М. Указ. соч. С. 176.
- ⁹ Пастернак Б. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁰ Алданов М. Указ. соч. С. 533.
- ¹¹ Пастернак Б. Указ. соч. С. 497.
- ¹² Радомская Т. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. М. : Совпадение, 2006. С. 41.
- ¹³ Пастернак Б. Указ. соч. С. 205–206.
- ¹⁴ Алданов М. Указ. соч. С. 257.
- ¹⁵ Там же. С. 559.
- ¹⁶ Там же. С. 554.
- ¹⁷ Пастернак Б. Указ. соч. С. 482.
- ¹⁸ Алданов М. Указ. соч. С. 558.
- ¹⁹ Там же. С. 539.
- ²⁰ Там же. С. 556.

Образец для цитирования:

Макарова Е. В. Домашний очаг русской интеллигенции и революция в творчестве М. А. Алданова, Б. Л. Пастернака // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 313–316. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-313-316>

Cite this article as:

Makarova E. V. The Home and Hearth of the Russian Intellectuals and the Revolution in the Novels by M. Aldanov and B. Pasternak. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 313–316 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-313-316>